

IV. КОЛОНІАЛЬНИЙ ТА ПОСТКОЛОНІАЛЬНИЙ ДИСКУРС У ЛІТЕРАТУРІ

УДК 821.111–32.091

О. Р. Посудиевская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КАПЕРСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА: ОБРАЗ ИНДИИ В «ПИСЬМАХ МАРКА» Р. КИПЛИНГА

Розглянуті особливості втілення проблеми зустрічі/зіткнення представників західного суспільства з екзотичним індійським середовищем у серії оповідань Р. Кіплінга «Листи Марка». Проводиться паралель у зображенні взаємодії цивілізованого героя з індійським культурним та природним фоном в оповіданні «*Bubbling Well Road*» та романі «*Наулака*».

У статті показана зміна сприйняття індійської реальності «чужаком» з цивілізованого світу – англійцем («Листи Марка», «*Bubbling Well Road*») та американцем («*Наулака*»). Західні герої, охоплені відчуттям переваги над дикою, варварською, завойованою країною, втрачають впевненість у «всемогутності» білої людини при зануренні в екзотичний світ розкішної природи та близькому знайомстві з багатоміспадщиною давньої індійської культури.

Ключові слова: сприйняття образу «чужого», прагматично-утилітарний погляд на світ, індійська реальність, екзотична східна культура.

Рассматриваются особенности воплощения проблемы встречи/столкновения представителей западного общества с экзотическим индийским пространством в серии очерков Р. Киплинг «Письма Марка». Проводится параллель в изображении взаимодействия цивилизованного героя с индийским культурным и природным фоном в рассказе «*Bubbling Well Road*» и романе «*Наулака*».

В статье показано изменение восприятия индийской реальности «чужаком» из цивилизованного мира – англичанином («Письма Марка», «*Bubbling Well Road*») и американцем («*Наулака*»). Западные герои, охваченные чувством превосходства над дикой, варварской, завоеванной страной, теряют уверенность во «всемогуществе» белого человека при погружении в экзотический мир роскошной природы и близком знакомстве с богатым наследием древней индийской культуры.

Ключевые слова: восприятие образа «чужого», прагматично-утилітарний взгляд на мир, индийская реальность, экзотическая восточная культура.

The article concentrates on the peculiarities of embodiment of the problem of meeting/conflict of the representative of the Western society with the exotic Indian environment in the series of R. Kipling's stories *Letters of Marque*. The study is conducted in the comparative context with the writer's story *Bubbling Well Road* and the novel *Naulakha*, where the same problem is highlighted.

The analysis reveals the transformation of perception of the Indian reality by the intruder from the civilized world – an Englishman (*Letters of Marque*, *Bubbling Well Road*) and an American (*Naulakha*). The Western characters, overtaken by the ambitious feeling of supremacy over wild, barbarous land, lose their confidence in the white man's superiority when they are captured by the world of luxurious and mysterious nature and become fascinated by Indian rich historical and cultural heritage.

Keywords: perception of the image of the «alien», pragmatic and utilitarian worldview, Indian environment, exotic Eastern culture.

Начало работы Редьярда Киплинга в газете «Пионер» (1887) ознаменовалось двухмесячным путешествием по Раджпутане – вассальном княжестве Британской

Индии, на территории которого было разрешено автономное управление [4]. В это время как раз и наблюдается необычный всплеск гения писателя, что не удивительно для творческого человека, охваченного калейдоскопом впечатлений. Многочисленные экзотические пейзажи и величественные памятники старины менялись один за другим по мере того, как Киплинг «колесил от Агры... до Джайпура... двуколкой до Удайпура... верхом на слоне в Читтор... на поезде в Аджмер... до Бунди и назад в Аджмер и Джодхпур» [14, с. 159].

Целью поездки Киплинга было выполнение задания редакции «Пионера» – составить серию репортажей о Раджпутане. Однако молодой репортер проявляет творческий подход к работе, и вместо ожидаемого текста, наполненного фактографической информацией, рождается 19 очерков, написанных «легким, увлекательным стилем», который как будто «несет» читателя от одного места к другому по экзотическому миру Раджпутаны, в котором, как утверждают критики, «британская империя и индийская культура встречаются вместе, иногда переплетаясь, а иногда – нет» [9]. По мнению Дженнифер Фрайтаг, Киплинг лишь осторожно касается поверхности этого мира, не углубляясь в него, в противном случае, он потерял бы читателей. В результате, «Письма Марка» оказываются «великолепной работой» для желающих бегло ознакомиться с жизнью в Британской Индии [9].

Интересно название, под которым автор объединяет рассказы, – «Письма Марка». Как известно, так назывались «каперские письма», или «каперские свидетельства» («Letters of Marque and Reprisal») [13], которые выдавались правительством государства владельцам частных судов в качестве разрешения на беспрепятственное нападение на корабли тех стран, с которыми велась война [1]. Таким образом, уже само название произведения указывает на ту роль, которую Киплинг выбирает для главного героя, который появляется во всех рассказах, – «пират» и захватчик чужих владений, но действующий на законных основаниях (здесь хотелось бы поспорить с утверждением Д. Монтефиоре о том, что упоминание о каперском свидетельстве в названии – не более, чем «корабельная шутка» Киплинга [14, с. 159]). Главным героем рассказов становится англичанин (the Englishman), увлекающийся путешествием по экзотическим для европейца странам – Японии, Сингапуру, Цейлону и Раджпутане. В его образе, как утверждают исследователи, Киплинг воплощает самого себя [9; 8, с. 232; 14;]. Как считает Д. Монтефиоре, автор именно таким образом пытался выразить ощущение свободы репортера, которое появилось по причине большого расстояния между автором репортажей и читательской аудиторией, чего не было в Лахоре, где Киплинг каждый день видел своих читателей в местном клубе [14, с. 160]. А вот Мэри Конде утверждает, что Киплинг идентифицирует себя в названии как «пират-журналист», которому дали лицензию на совершение «набега» на дальние страны ради «добычи» для газеты [8, с. 232].

По мнению Д. Монтефиоре, «англичанин» никогда не забывает о своем происхождении из более высокой расы, чем местные жители, поэтому в описаниях посещаемых им мест ощущается «обычная сдержанность», «подчеркнутая расовая идентичность», а герой «позиционирует себя отдельно от того, что он видит» [14, с. 160-161]. Сам же автор оказывается пусть «прекрасным и высокочувствительным», но все же «предвзятым наблюдателем» индийской реальности [14, с. 160].

Тем не менее, как справедливо отмечает исследовательница, несмотря на предвзятое отношение «англичанина» к местности, по которой он путешествует, он не проявляет себя как «невежливый колониальный хвостун» [14, с. 161]. А вот другой герой проявляет. Им оказывается юноша из Манчестера – типичный молодой викторианец конца XIX века, который стремится получить максимальную выгоду и удовольствие от любого события: «...казалось, что он прожива-

ет свою жизнь, будучи «очень довольным» по поводу абсолютно всего»¹ [11]. Поэтому он был «очень доволен» посещением Агры, «очень доволен» посещением Дели и... «очень доволен» посещением Тадж-Махала» [11], где продавались сувениры – предметы «истинно восточной» экзотики, которые можно приобрести за деньги: «он покупал шали и вышитые изделия под звон определенного количества рупий... а при покупке драгоценностей звон рупий был иной» [11]. Герой считает Индию «великим местом» только потому, что «здесь можно купить много вещей» [11].

Однако «необыкновенно самоуверенный» «культурный наблюдатель» из метрополии, оценивающий индийскую реальность с прагматично-утилитарной точки зрения (что, на самом деле, «искажает» и «переворачивает» факты индийской реальности), кажется «очевидным безумцем» третьему персонажу «Писем» [11]. Этот герой имплицитно участвует в ходе сюжета и постоянно комментирует события повествования, а также чувства и эмоции «англичанина». Его многочисленные реплики: «мы в Индии», «мы в этой стране», «можем ли мы удивляться...?», «с англо-индийской точки зрения» [11] раскрывают национальную принадлежность героя и его роль в произведении – это представитель англо-индийского общества, проживший в Индии всю свою жизнь, для которого экзотическая индийская реальность стала родной, т.е. «своей». Как признается герой, «мы» (т.е. англо-индийцы) «проживаем в большинстве случаев вдали от железной дороги» и «не путешествуем ради собственного удовольствия», в отличие от английских туристов, которые, в конце концов, выбирают «хорошо изученные и проверенные маршруты» [11].

Таким образом, рассказчик англо-индийского происхождения присутствует уже в первом «Письме», хотя, по мнению Д. Монтефиоре, этот герой раскрывает себя только в десятой главе, где рассказывается о давнем (не известном «заядлому путешественнику», но важном в истории индийского народа) событии – разграблении Читтора в XIV веке [14, с. 165]. Нельзя не согласиться с утверждением исследовательницы, что Киплинг как бы выходит из роли «насмешливого и даже любопытного англичанина» и примеряет на себя новую ипостась «рассказчика» (story-teller) [14, с. 165]. Тем не менее, следует отметить, что эти образы-маски постоянно чередуются по ходу развития сюжета, начиная с первой страницы повествования. Сам автор как бы выступает в двойной роли – английского путешественника, для которого индийская реальность оказывается «чужой», и англо-индийца (т.е. «своего»).

Не удивительно, что именно благодаря такой проекции – через взгляд англо-индийского героя, читатель узнает о великолепии Тадж-Махала – «вздоха, запечатленного в камне» и «воплощении всего самого чистого, самого священного и самого несчастного»; об изяществе храма Кали – «шедевра искусства инкрустации и мраморного рисунка»; о пышности дворца в Амбере, чье «королевское величие радует взор» [11]. Однако этому возвышенно-поэтическому восприятию и трепетному отношению к индийскому историко-культурному наследию тут же противопоставляется иное отношение к памятникам старины. Как с грустью отмечает англо-индийский рассказчик, знаменитые индийские цари прошлого «явно не ожидали» прихода «британского туриста, вооруженного путеводителем и шляпой от солнца» – прагматичного представителя викторианского общества, чье бесцеремонное вторжение разрушает романтическую атмосферу, созданную «историями о любви и ненависти, о заговорах, происходивших много столетий назад» [11]. Контраст между мирочувствованием, обладающим видением прекрасного, отношением к индийской реальности как к родной среде (т.е. к «своему») и утилитарно-практичным взглядом на мир, пренебрежением к Индии как к

¹ Перевод, где специально не указано, – мой. – О. П.

экзотической, дикой стране (т. е. к «чужому») проявляется в мельчайших деталях повествования (к примеру, Тадж-Махал представлен в английском путеводителе довольно скромно – «благородное сооружение», а рядом с разрушенными дворцами строятся мостовые, залитые бетоном [11]).

Авторская ирония по поводу формирования «западного» образа Индии сменяется горечью по мере того, как Киплинг показывает отступление «старой» индийской культуры под натиском западной цивилизации. «Следы» наступления Запада отмечает англичанин, а его наблюдения сопровождаются комментариями англо-индийца. К примеру, знаменитый Джайпур – место действия многочисленных легенд и преданий – приобретает все больше отличительных особенностей европейских городов конца XIX века с газовым освещением и бетонными мостовыми. Д. Монтефиоре справедливо акцентирует внимание на том факте, что и здесь Киплинг не мог не упомянуть, кому принадлежит авторство столь «блестящих» преобразований (в частности, установление газового освещения и строительство мостовых), – конечно же, англичанам – доктору Хендерсону, члену городского правления, и полковнику Джейкобу, инженеру, ставшими для местных жителей «благословением, ниспосланным свыше» [14, с. 163]. В ходе сюжета автор продолжает подчеркивать техническое превосходство англичан над индийцами: разграбленный Читтор стоял разрушенным до тех пор, пока его правитель не пригласил английских инженеров-распорядителей, которые могли бы «провести уборку» и в дальнейшем «содержать город в порядке» [11].

В этой встрече голосов героя-англичанина и англо-индийского рассказчика выразительно предстает «поразительный контраст» между «старым» и «новым», возникший в результате перестройки старинных индийских городов, – «зловеще старые» дома соседствуют с новостроем, а памятка старины и чудо архитектуры превращается в «огромный, практичный объект для насмешек», оснащенный лучшими удобствами, «необходимыми для благосостояния западного общества» [11]. Представители западной цивилизации как будто высмеивают историко-культурное наследие завоеванной ими страны, а Киплинг таким образом выявляет свое видение проблемы, затронутой в знаменитом романе Марка Твена о путешествии американцев в Старый Свет, в частности, в эпизоде отказа представителей «нового» общества обратить внимание на «подержанную дохлятину», а в действительности – мумию египетского фараона, умершего три тысячи лет назад («Простаки за границей», 1869).

Как показывает Киплинг, даже коренные жители Индии попали под влияние «нового» практично-утилитарного мироощущения, ранее характерного только для европейского общества. «Современные» индийцы стали «корыстными» и «меркантильными», их желание получить материальную выгоду уже не уступает стремлению к прибыли, свойственному их завоевателям: когда они пристают к путешественникам с предложением своих услуг, «от них очень трудно отделаться», а когда индеец выполняет работу гида, то «стремится содрать максимальную оплату» с туриста [11].

В устах англо-индийца звучит прогноз автора по поводу перспективы развития англо-индийского, как впрочем, и викторианского общества. На первый взгляд, он – пессимистичный. Ведь «беспардонных» представителей буржуазного общества конца XIX века невозможно «научить почтительному отношению» к памяткам старины. Киплинг развивает ту же идею, которая прозвучит в работах Ницше и других философов *fin de siècle* об антагонизме понятий «культура» и «цивилизация» и утрате цивилизованным человеком своей целостности и цели существования. Так, воспринимая Индию как варварскую страну в плане цивилизационного развития, англичанин меняет о ней мнение, когда смотрит на нее изнутри. К примеру, Тадж-Махал, о котором герой составил первоначальное суждение, опираясь на сухую, фактографическую информацию из текста путеводи-

теля («благородное сооружение»), внезапно воспринимается по-иному, когда англичанин видит его собственными глазами, – преображается, «принимая сотни новых форм», причем «каждая из них была идеальной» [11], а их красота не поддавалась объяснению с логической точки зрения (игра солнечного света, проникающего через утренний туман).

Магическая атмосфера индийской старины воздействует на английского героя с особой силой во время посещения Гау-мухх, или «Рта коровы», – подземного водопада, стекающего со скалы в небольшой водоем недалеко от крепости Читтора (“Gau-mukh”). Этот источник имеет не только историческое значение (жители Читтора брали из него воду во время осады города) – он считается священным местом паломничества у индийцев. Согласно легенде, «Рот коровы» стал последним убежищем королевы раджпутов Падмини, которая, вместе со своими служанками, покончила жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки влюбленного в нее правителя Дели, намеревающегося захватить силой ее королевство [16]. Именно здесь английский герой, дерзнувший спуститься к источнику, «испытывает прямое столкновение» [14, с. 166] с драматичными событиями, рассказанными в индийской легенде. Трагическая атмосфера печального эпизода истории Читтора окутывает англичанина и, как некий временной портал, уносит его на 2000 лет назад. У героя появляется необычное для цивилизованного европейца ощущение ужаса. Меняется и его восприятие реальности: тропинка, ведущая по склону горы вниз к усыпальнице, кажется ему дорогой в западню, где «он упадет с отполированных камней в зловонный водоем», или источник внезапно «выйдет из берегов и поглотит его», или каменные плиты «упадут и расплющат его» [11].

По мнению исследователей, сцена осмотра «Рта коровы» волшебным образом воздействует на воображение героя и выявляет его панический страх от «прямого столкновения» с «чужим» – «в высшей степени сексуализированным», «феминизированным» индийским природным и историко-культурным фоном [14, с. 166]. Этот страх усиливается при воспоминании об еще одной легенде, рассказанной герою местными жителями: «то ли дьявол, то ли вампир, то ли Нечто стоит на пути к проходу» в гробницу [11].

Примечательно, что ситуации, в которых возникает угроза жизни представителю западной цивилизации со стороны мистического и загадочного, как будто «ожившего» экзотического индийского пространства, представленного в образе непроходимых зарослей, пышной тропической растительности, глубокого колодца, озера или ямы, обыгрывается Киплингом в его дальнейшем творчестве. Так, героя небольшого рассказа «Bubbling Well Road» (1888), заблудившегося в «удушливой» траве, спасает от падения в таинственный колодец лишь его внимательность к необычным звукам (зловещему шуму воды и эху) и способность видеть «ясным, четким взглядом» [10]. Еще более яркими красками описывается столкновение с «живой» индийской природой американского персонажа романа «Наулака» (“Naulakha”, 1891) – Николаса Тарвина, стремящегося договориться с президентом железнодорожной компании построить железную дорогу через его родной город. Герой охвачен сугубо прагматичным желанием добыть жене президента ожерелье индийского махараджи из 45 драгоценных камней в обмен на помощь в заключении сделки с ее мужем. Представителя «нового» общества не останавливает ни необходимость пробраться через «нескончаемые вереницы ключего кустарника, в бешенстве протягивающего ветви к небу», ни скачка до изнеможения по «чудовищно огромной» равнине [12]. Однако даже прагматичный оптимист настораживается при непонятном «ехидном смешке», который впоследствии оказывается шумом воды [12].

Киплинг, который с рождения чувствует и воспринимает Индию с ее экзотической природой, звуками и запахами как «свою» среду, уже в «Пись-

мах Марка» начинает персонифицировать образ индийского природного фона, который, тем не менее, кажется западным героям «чужой», враждебной стихией, несущей в себе роковое начало. Так, с точки зрения английского путешественника источник Гау-мухх «булькал и задыхался от кашля, как человек в предсмертной агонии» [11]. Безымянный герой «Bubbling Well Road», а потом и Тарвин слышат «ехидный», «исключительно непристойный смех», переходящий в «удушливый кашель», который в обоих произведениях оказывается шумом «небольшого ручья», стекающего со стены колодца [10] или «прерывисто бьющего струей из гроба высеченного рта коровы», наполняя озеро возле храма [12].

При первой встрече с «чужим» пришельцы из западного цивилизованного мира пытаются объяснить происходящие события с привычной для них позиции логики. Англичанину из «Писем» кажется, что во «Рте коровы» нет ничего пугающего, ведь источник загадочного шума – всего лишь маленький ручей [11], а англичанин и американец, пытаясь определить происхождение таинственных звуков, вообще полагают, что имеют дело с живым человеком. Так, герой «Bubbling Well Road» утверждает, что «нет ни малейшей необходимости смеяться, когда находишься в высокой траве», ведь это «неприлично, а также невежливо» [10], а Тарвина «ехидный смех» настолько раздражает, что он «дает клятву найти этого насмешника» [12].

Тем не менее, несмотря на то, что западные герои находят рациональное объяснение необычным звукам, всех персонажей внезапно охватывает необычное для представителя «нового» общества ощущение таинственной угрозы и скорой беды, граничащее с животным ужасом перед неизвестной опасностью. Тревожное чувство «заядлого путешественника» сначала перерастает в убеждение, что «он совершил большую ошибку, дерзнув войти в самое сердце Читтора», а через две минуты сменяется страхом и стремлением «быстро покинуть это давнее кровавое место» [11]. А когда герой, «спотыкаясь», взбирается вверх по ступенькам, его покрывает пот, «который появляется после добросовестного труда или – детского страха» [11]. Англичанин из «Bubbling Well Road» тоже потеет от страха во время столкновения с непознанным, хотя пытается объяснить свое состояние с позиции здравого смысла («Жара заставила меня вспотеть»), а услышанный им «низкий смех», который «без сомнения, звучал отчетливо», заставляет его «задрожать» [10]. Как и у «заядлого путешественника», у героя возникает «искреннее желание» покинуть жуткое место и «оставить в покое большого кабана», на которого он решил поохотиться [10]. А злость Тарвина, возникшая вследствие продолжительного спуска в подземелье, и раздражение из-за необычного «ехидного смеха» быстро сменяются «страстным желанием выбраться на солнечный свет» [12].

Ирония автора ощутима в комментарии о том, что американца, в общем-то, «толкает вперед в темноту» вовсе не любовь к приключениям, а «расовый инстинкт – любопытство» [12] (как и желание исследовать загадку с научной точки зрения, а также материальный расчет, связанный с выгодной для героя сделкой). Тем не менее, подобный прагматично-рациональный подход не уберегает Тарвина от ощущения страха – он «дрожит с головы до ног», когда его нога наступает на человеческий череп [12]. Это чувство многократно усиливается, когда герой слышит звук «тяжелого дыхания» [12]. А несколько секунд спустя практичный американец «переживает все муки чисто физического ужаса», пытаясь определить источник «то ли звериного, то ли человеческого рева» [12].

Как и следовало ожидать, знаки сверхъестественного, с которыми приходится столкнуться Тарвину, имеют вполне земное происхождение – это шум от движений священного крокодила, живущего в подземном храме, который ожидал привычное для него утреннее кормление. Тем не менее, это распространенное в индийских джунглях животное, ставшее религиозным атрибутом для местных

жителів, оказується для американця олицетворенням дикого, таємнистого світа, невідомого з логічної точки зору, несущого в собі загрозу для життя цивілізованого чужака. Як знову іронізує Кіплінг, «західний чоловік знає про багато дивних речей, але алігатор не потрапляє в сферу його звичайних знань» [12].

Індійська флора і фауна, звичайна для місцевих жителів, втілюється в творах Кіплінга в образі єдиного «живого» простору, організму, володіючого власним свідомством і емоціями. Так, «низький сміх» води в «Bubbling Well Road» швидко «переростає в радісні вигук» [10]. В «Наулаке» вітер «поє на пустельних вулицях», гонячи перед собою хмара пилу, яку «бормочет» і «со вдихом лягає на землю»; дерева «подаються вперед, нахиливши голови разом, як нічні стражі» [12]. Ця невідступна розумна середина як би відокремлює «чужаков» з іншого світа. Вона чужа для прибульців з західної цивілізації, які сприймають все навколо як величезний, безладний хаос. В різних описах джунглей і руїн стародавніх міст з усією чіткістю проявляється такий погляд американського і англійського героїв: «неформальний каменний жолоб» [11], «гігантські резервуари», «нескінченна рівнина», «безладно розставлені скульптури» [12]. Англійчанин з «Bubbling Well Road» устає від «спотыкання і проталкування» через «незвичайно густу» траву [10]. Тарвіну доводиться пробиратися до храму через «зарослі мимози, переплетеної з високою травою», а, досягнувши мети, герой відпочиває, сівши під фіговим деревом, яке «протягнуло тисячі рук над водою» [12].

Водний простір (колодець, джерело, озеро) стає певною центральною точкою, в якій, в кінці кінців, зустрічається «чужак», сміливий вторгнутися в девістивно нетрухану світ дикої природи. І це не дивно. Згідно міфології індусів, вода дала початок творенню всесвіту [5], вона – священна основа і джерело життя, а тому може очистити не тільки тіло, але і душу від гріхів, «смити» нечисті думки, вину і хибні переконання [3; 7]. Таким чином, герої, володіючи стійкими поглядами на оточуючу дійсність, прийнятими в західному суспільстві, як би зіштовбуваються з основою буття, а автор, в свою чергу, піддає героїв певному експерименту, перевіряючи їх емоційні реакції, які змінюються по мірі наближення персонажів до водного об'єкта.

Так, первісне логічне негодування західних героїв з-за складностей перебування в дикому місці, де відсутні звичайні зручності, важких погодних умов (жара і вологості), непрохідності джунглей і слизьких каменів під ногами (замість прямих, зручних доріг) швидко сменяється несвоєрідним представителю цивілізованого суспільства відчуттям тривоги, занепокоєння, передчуттям бід і небезпек, які досягають апогею біля джерела води. Спроби подорожників дати чітке логічне пояснення причини раптово охопитої їх тривоги, «дитячого страху» і «чисто фізичного жаху» не увінчуються успіхом. Неожидано для себе англійці і американець усвідомлюють, що зіштовбувалися з чимось незвичайним і незрозумілим з наукової точки зору. Не випадково, в кінці розповіді «Bubbling Well Road» образ колодця, який «сміється про себе», раптово персоніфікується в свідомості англійчанина: слово «колодець» пишеться в тексті з великої букви (Well) [10].

В епізодах зустрічі/зіткнення західних героїв з «живим» водним «організмом» вся нетрухану цивілізацією індійська реальність як би олицетворяється в образі єдиної водної стихії, який максимально персоніфікується і, нарешті, сливається з образом прозорого «Нечто», охороняючого по легенді вхід в «Рот корови» в «Письмах Марка». Створюється враження, що сама сутність індійського світа «оживає» і піддається насмішці над західними завойову-

телями, стремящимися познать загадки неизведанного пространства с помощью привычной для них системы координат мышления. «Радостный смех» Индии над англичанином слышится со дна глубокого колодца в «Bubbling Well Road», «ехидное» подсмеивание над американцем звучит в недрах древнего храма в «Наулаке». Английский путешественник из «Писем» вообще ощущает «нечто жуткое» в атмосфере непознанного Востока вокруг источника. Как признается сам герой, «это было не чувство опасности или боли, а предчувствие великого зла» [11].

Возможно, именно из-за этого «предчувствия» англичанин не может выдержать более двух минут пребывания в подземелье возле того места, где произошло самоубийство правительницы Читтора. И хотя герой пытается логически осмыслить и объяснить причины необычного психического состояния и убедить себя, что все это – «чепуха», «ночной кошмар, возникший в ясный день, и глупость, которую нужно отбросить», привычный для него способ постижения действительности не срабатывает [11]. «Заядлый путешественник» начинает осознавать, что он «не желает узнавать никаких археологических данных <...> делать какие-либо заметки», более того – он даже «старается не оглядываться», когда «с трудом выбирается» из подземелья наверх – к солнечному свету [11].

Посещение «Рта коровы» и знакомство с кровавой историей Читтора, похоже, произвело огромное впечатление на самого писателя. Ведь не случайно детальному описанию исторических событий города посвящена почти целая глава «Писем», а сам Читтор становится прообразом заброшенного мертвого города Гуннара, в котором американский герой «Наулаки» надеется найти ожерелье. Киплинг даже воссоздает в своем романе образ реальной Башни Победы, которая находилась в центре Читтора, – именно на «резную башню» в центре Гуннара взбирается Тарвин, чтобы быстрее осмотреть окрестности и найти знаменитый храм, где, согласно сюжету, хранится украшение [12]. Башня Победы, которая существует и сегодня, действительно является ориентиром для определения местоположения «Рта коровы» [6]. А само подземелье узнается в описаниях подземного храма возле озера, который, в конце концов, обнаруживает американец: «...скала была истерта на глубокие желоба, более гладкие, чем лед, обнаженными ногами миллионов людей, которые шли по этому пути...», а их «обнаженные ноги» превратили ступени в «зеркальные бугры и выпуклости» [12] (ср. «Камень ступеней был истертым и отполированным ужасными, обнаженными ногами, пока на нем не проявились отпечатки следов, блестящие, подобно агату» [11]); «...тонкий ручей воды...порывисто бил струей из грубо высеченной коровьей головы и стекал по каменной трубе в темно-синее озеро» [12] (ср. «В узком углублении вода стекала в котловину через бесформенный каменный желоб, а из котловины снова стекала в резервуар» [11]). Более того, загадочное место, в котором прагматичный американский герой «переживает все муки чисто физического ужаса», носит такое же название, как и реальная историческая достопримечательность, – «Рот коровы», или «Коровья пасть» (перевод Г. Моисеевой) [2]. Памятник индийской старины через художественное воплощение в романе писателя раскрывает свой особый, сакральный смысл и для читателя. Как и в «Письмах Марка», историческое место становится тем пространством, в котором человек иной цивилизации, не приемлющий то, что ей не соответствует, меняет свой взгляд и восприятие окружающего мира.

Попадая в «сердце» загадочной для них индийской реальности – водный объект, англичане и американец как будто переживают проверку своих прежних предубеждений. У каждого из них возникают сомнения в абсолютном превосходстве «белого» человека в контексте «нецивилизованного», как им казалось, индийского мира, и каждый из них открывает для себя что-то новое в его образе и сущности. Англичанин из «Bubbling Well Road» признает, что местность вокруг колодца скрывает какую-то тайну, и начинает прислушиваться к словам местных

жителей о том, что в густой траве живут демоны и привидения [10]. Тарвин, ранее с пренебрежением относившийся к индийскому историко-культурному наследию, настолько потрясен открывшейся перед ним панорамой древнего города «в красных отблесках рассвета», что «с полной серьезностью» «снимает шляпу» при виде павлина, чей распутившийся хвост «сверкнул во всем великолепии в лучах солнца» на фоне скульптур на стене «величественного красного дома» [12]. А путешественник из «Писем» обретает способность испытать искреннее восхищение от созерцания сияющих звезд «в отражении небосвода на безмятежной глади озера», расположенного возле города Бунди. Представитель викторианского общества, привыкший к комфорту, внезапно понимает, что он попал в иную реальность с иным жизненным укладом, в которой привычные для него потребности в тех благах, которые может дать цивилизация, – отоплении, питьевой воде высшей степени очистки – кажутся «смешными» и неуместными [11]. А засыпая под открытым небом, англичанин вообще приходит к умозаключению о том, что «было бы хорошо и приятно» не возвращаться в цивилизованное общество, а вместо этого «лежать днем на теплой насыпи, залитой солнечным светом, ночью сидеть возле костра, отбрасывающего тени, и слушать приглушенные голоса и шепот темноты в горах» [11].

Встреча жителей западного мира с экзотичным востоком, незнакомой культурой учит их иному, нестереотипному восприятию чужой реальности. И оказывается, что «услышать закат солнца», осознать «момент перехода дня в ночь» и ощутить «полноценное наслаждение» жизнью можно только в состоянии «открытого контакта с землей», а при его достижении приходит чувство «полной гармонии и дружественного отношения ко всем существам на земле» [11]. Приятие англичанином пантеизма, который исповедуют его индийские провожатые, – учения о всеобъемлющем, фундаментальном единстве всей Вселенной [15] – не только помогает герою ощутить себя частью природы, но, в сущности, меняет его восприятие образа «чужого». «Каперские свидетельства» – свидетельства амбициозного победителя и завоевателя чужого пространства – оказываются проникновенным, сочувствующим и принимающим это пространство рассказом.

Библиографические ссылки

1. *Каперы, пираты, буканьеры, маронеры, флибустьеры, корсары* [Электронный ресурс] // История морского пиратства. – 2007-2017. – Режим доступа: <http://www.история-пиратов.рф/plugins/content/content.php?content.32> – Заголовок с экрана.
2. *Киплинг Р.* Наулака – История о Западе и Востоке [Электронный ресурс] / Р. Киплинг; пер. с англ. Г. Моисеевой // LitRu.ru – бескрайний книжный мир. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=48413&description=1> – Заголовок с экрана.
3. *Культ воды в Индии* [Электронный ресурс] // Библиотека K2X2.Info. – Режим доступа: http://www.k2x2.info/kulturologija/yeti_porazitelnye_indiicy/p6.php – Заголовок с экрана.
4. *Раджахстан.* Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%85%D0%B0%D0%BD> – 30.04.2018. – Заголовок с экрана.
5. *Редкозубова О. С. Ромы О. В.* Мифология Индии как первоначальная философия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/mifologiya-indii-kak-pervonachalnaya-filosofiya> – Заголовок с экрана.
6. *Священное озеро Gaumukh Kund* [Электронный ресурс] // Блог профессионального путешественника. – Режим доступа: <https://in-trips.ru/blog/svyashchennoe-ozero-gaumukh-kund.html> – 12.02.2016. – Заголовок с экрана.
7. *Символика в индийской мифологии* [Электронный ресурс] // Онлайн-школа хинди, история и культура Индии. – Режим доступа: <http://hindirus.ru/simvolika-v-indiyskoj-mifologii.html> – 22.03.2017. – Заголовок с экрана.

8. *Conde M.* Constructing the Englishman in Rudyard Kipling's *Letters of Marque* / M. Conde // *The Yearbook of English studies*. – Vol. 34. Nineteen-Century Travel Writing. – Modern Humanities Research Association, 2004. – P. 230-239.

9. *Freitag J.* *Letters of Marque by Rudyard Kipling* [Електронний ресурс] / J. Freitag. – Режим доступу: <http://www.goodreads.com/book/show/8571832-letters-of-marque> – Заголовок с екрана.

10. *Kipling R.* *Bubbling Well Road* [Електронний ресурс] / R. Kipling. – Режим доступу: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/lifes/chapter10.html> – Заголовок с екрана.

11. *Kipling R.* *Letters of Marque* [Електронний ресурс] / R. Kipling // *The University of Adelaide Library*. – The University of Adelaide. – Режим доступу: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/marque/index.html> – Заголовок с екрана.

12. *Kipling R.* *The Naulahka: A Story of West and East* [Електронний ресурс] / R. Kipling // *The University of Adelaide Library*. – The University of Adelaide. – Режим доступу: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/naulahka/index.html> – Заголовок с екрана.

13. *Letter of Marque* [Електронний ресурс] // *Wikipedia, the free encyclopedia* – Режим доступу: https://en.wikipedia.org/wiki/Letter_of_marque – 27.01.2017 – Заголовок с екрана.

14. *Montefiore J.* *Vagabondage in Rajastan: Kipling's North Indian travels* / J. Montefiore // *In Time's eye. Essays on Rudyard Kipling* / ed. by J. Montefiore. – Manchester University Press, 2016. – P. 159-176.

15. *Pantheism* [Електронний ресурс] // *Wikipedia, the free encyclopedia* – Режим доступу: <https://en.wikipedia.org/wiki/Pantheism> – 05.06.2018 – Заголовок с екрана.

16. *Rani Padmini* [Електронний ресурс] // *Wikipedia, the free encyclopedia* – Режим доступу: https://en.wikipedia.org/wiki/Rani_Padmini – 17.06.2018 – Заголовок с екрана.